

РЕЦЕНЗИИ

© ЭО, 2003 г., №1

В.А. Тишков. Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны). М., 2001. 552 с., ил.

Выход в свет книги В.А. Тишкова «Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны)» – заметное событие в нашей научной жизни. Вместе с тем выделяет эту книгу даже не обращение к сверхактуальной теме, а использование автором новых научных средств для ее анализа.

Обзревая труды своих предшественников – как приверженцев глобальных теорий (политологов, конфликтологов), так и этнографов – В.А. Тишков приходит к выводу о том, что эти работы в силу либо неадекватности используемого научного инструментария, либо некорректного отбора материала, либо просто политической предвзятости не приближают нас к пониманию истины. Эти исследования «не о конфликте, а, в большей степени, о словах по поводу конфликта», – констатирует автор (с. 25). Он предлагает свой вариант решения проблемы, привлекая научный аппарат социально-культурной антропологии.

Обращение антрополога к проблематике подобного рода – достаточно редкое явление. В отечественной же традиции этнография если и изучала конфликты, то преимущественно на историческом материале. В целом же она всегда была ориентирована скорее на изучение моментов, обеспечивающих общественную устойчивость и стабильность. Я имею в виду исследование культуры, понимаемой как «обычаи и традиции этноса».

Итак, антропология на сегодняшний день все еще не владеет в полной мере необходимыми научными средствами для решения подобного рода задач. Поэтому В.А. Тишкову на первых же порах пришлось вносить коррективы в методологию и методику исследования.

Ученый старается уйти от теоретических схем, своего рода клише, которые имеют широкое хождение в отечественном обществоведении. Очевидно, что любая теория на определенном этапе становится тормозом для научного прогресса. Известны, например, воспоминания представителей первой плеяды антропологов, которых принято относить к британской школе (эти материалы несколько лет назад публиковались в «Этнографическом обозрении»). Один из них рассказывал, как они, тогда еще молодые ученые, вооружившись идеями Б. Малиновского, уезжали в экспедиции, но анализ полевого материала, несмотря на то, что он был собран в разных регионах мира, неизменно приводил к удивительно идентичным выводам, подтверждавшим, конечно, идеи учителя. Словом, теория может стать самодовлеющей силой, ориентированной не на поиск истины, а на обслуживание самой себя.

Уход от привычной схемы возможен только тогда, когда она уже со всей очевидностью продемонстрировала неспособность «переварить» возросший объем новых сведений. Именно богатейший и разноплановый материал как этноисторического характера, так и собранный исследователем «в поле», подвиг В.А. Тишкова к пересмотру некоторых методологических постулатов, свойственных отечественному обществоведению.

В частности, постулат «историзма» всегда считался непререкаемой истиной, своего рода «священной коровой». Нет сомнения в том, что настоящее в известной мере всегда определяется прошлым, однако это не означает, что между ними существует жесткая причинно-следственная связь. Поэтому совершенно неразумно видеть в современном конфликте в Чечне лишь продолжение Кавказской войны XIX в. Тем не менее подобное вульгаризированное понимание «историзма» находит отражение не только в научном, но и в общественно-политическом дискурсе. В.А. Тишков в качестве примера приводит слова Б.Н. Ельцина, произнесенные на церемонии подписания договора с А. Масхадовым в 1997 г.: «Мы покончили с 400-летней враждой». Словом, ложный теоретический посыл способен оказывать существенное влияние на поведение политиков, переводя, таким образом, академическую проблему в конкретно-политическую плоскость.

Автор же придерживается мнения о том, что «исторический и этнический факторы не лежат в основе конфликтов бывшего СССР, включая Чечню и в целом Северный Кавказ. Это, прежде всего, современные конфликты современных участников (актеров) социального пространства и по поводу современных проблем и устремлений» (с. 61). Собственно, все содержание книги служит убедительной доказательной базой данной методологической установки ученого.

В то же время, не отрицая в целом связи прошлого и настоящего, он делает достаточно глубокий исторический экскурс, рассматривая, например, клановую (тейповую) организацию чеченского общества и ее

динамику в досоветский период. Для этого активно привлекаются этноисторические работы кавказоведов.

Достаточно внимания уделено и анализу чеченского общества в советский период, из чего можно сделать вывод о существовании в нем определенных напряженностей, связанных как с культурно-историческими, так и социальными причинами. Это касается «психологической травмы», сформировавшейся у чеченцев вследствие депортации, скрытой безработицы, резко возросшего в последние советские годы имущественного неравенства, проявлений nepoтизма и др. Однако все это, как показывает автор, не несло в себе фатальной необходимости насильственного конфликта; чеченцы в общем и целом были лояльны советской власти.

Сегодня в мировом обществоведении четко обозначилась тенденция преимущественного изучения действия субъективного фактора в социокультурном процессе. Это означает ориентацию на исследование поведения его непосредственных участников и творцов, причем не просто среднестатистических индивидов, а конкретных людей – чувствующих и мыслящих. Иными словами мы видим в известной мере обратный процесс относительно предшествующей научной практики. Ученые стремятся сначала исследовать поведение конкретных индивидов, а уж потом говорить об общественных законах, а не рассматривать априори такое поведение в качестве реализации уже известного закона.

Антропология изначально, казалось бы, являлась наукой, наиболее приспособленной для этого. Начиная со своего отца-основателя Б. Малиновского она имела дело прежде всего с живыми людьми. Ее основной метод включенного наблюдения предполагает, как известно, во-первых, преодоление барьера отчуждения, всегда в той или иной мере разделяющего ученого и носителей изучаемой культуры; во-вторых, скрупулезную фиксацию моделей их поведения. Иное дело, что собранный материал «загонялся» в заранее заготовленные схемы, господствовавшие в тот или иной период времени в научном сознании.

Сегодня в распоряжении антропологии имеется огромный запас сведений относительно поведения представителей традиционных обществ, и они начали активно привлекаться другими науками, например, историей. «Антропологизация» исторического знания позволяет специалистам в данной области по-новому взглянуть на многие явления прошлого.

Что касается самой антропологии, прежде всего отечественной, то здесь вплоть до последнего времени почти безраздельно господствовали объективистские подходы, построенные на эволюционистской парадигме Моргана – Энгельса. Этнография рассматривалась в качестве сугубо исторической дисциплины, а поэтому собранные исследователями «пережитки» использовали исключительно для реконструкции гипотетического прошлого того или иного «этноса», что, в свою очередь, «доказывало» правильность выводов классиков марксизма по поводу закономерностей, которым подчиняется ход общественно-исторического процесса. В отличие от западной антропологии, в отечественной этнографии даже идеи Б. Малиновского, ориентированные на функциональное изучение современности, почти не получили применения в научно-исследовательской практике. Словом, потенциал науки остается и по сей день недостаточно раскрытым. Поэтому критика В.А. Тишкова в адрес этнографов, занимавшихся проблемами Чечни, представляется вполне обоснованной, так как в этих работах «есть много историко-этнографических наблюдений и культурно-цивилизационных конструкций, но нет самих чеченцев и самого конфликта» (с. 22).

Антропологическое изучение современности накладывает на ученого определенные моральные императивы. Недаром Международной Антропологической ассоциацией недавно принят своего рода «Кодекс поведения антрополога». В нем, в том числе, ставится и вопрос об ответственности ученого перед представителями изучаемой культуры. Лейтмотивом является принцип «Не навреди!».

Правда, антропологу часто приходится «зашифровывать» своего информанта, так как сообщенные им сведения могут вызвать негативное отношение к нему со стороны земляков. Мне не раз приходилось сталкиваться с проблемой, когда даже ученые-этнографы отказывались публиковать под своим именем или с отсылкой на него информацию, касающуюся своей этнической группы.

В традиционных культурах (как, впрочем, и в современных субкультурных образованиях) всегда существует «сакральная» информация, закрытая для «чужаков». Последние, с точки зрения носителей этих культур, обладают «презумпцией зловредности», а значит наверняка используют эту информацию в ущерб сообществу. «Предатели» же подлежат суровому наказанию. Эта проблема становится во много раз актуальней в условиях, когда общество находится в состоянии вооруженного конфликта, а исследователь может ассоциироваться у носителей культуры с «врагом».

В данной ситуации необдуманно сказанное слово может стать мощной материальной силой, способствуя разрастанию противостояния. Это отчетливо видно на примере работы СМИ. Автор пишет по этому поводу, анализируя их деятельность по освещению настоящего конфликта: «В современных конфликтах СМИ представляют собой огромную мобилизующую и сражающуюся силу. Это такой же боевой ресурс, как танки и артиллерия» (с. 49). Очевидно, что в такой ситуации ученый обязан с огромной ответственностью относиться к своим «словам». Поэтому постановка В.А. Тишковым на теоретическом уровне проблемы морали как органической части исследовательской стратегии антрополога представляется крайне

современной. Эта тема может и должна иметь продолжение в соответствующих учебных курсах по профессиональной подготовке антропологов в вузах страны.

Кроме того, ученый уточнил некоторые научные понятия и категории, адаптируя их таким образом к нуждам настоящего исследования. В частности, это касается понятия «этнографическое поле» и методов его изучения.

Действительно, среди антропологов, исповедующих «включенное наблюдение» в качестве чуть ли не единственного метода, принято считать, что только информация, собранная в «поле», может претендовать на научность. С точки же зрения автора этот постулат в условиях вооруженного конфликта практически «не работает», так как информант, находясь внутри него, «видит и показывает только на руины и жертвы, его слова – это не рассказ, а обращение с жалобой или с гневным посланием, это просьба-мольба или слова мести. В этих условиях предопределена и позиция исследователя, который уже заранее предполагает, какими будут ответы, и вставляет их "в собственное сочинение о войне"» (с. 24). Поэтому, как заключает автор книги, «"этнографическое поле" во время разрушительного конфликта оказывается не более чем газетной страницей, упрощенной до полуживой и пропагандистской тривиальности» (с. 25).

В качестве примера В.А. Тишков ссылается не только на опыт коллег, но и на собственные результаты. В частности, он рассказывает, как, вернувшись из командировки в Чечню в 1995 г., в ходе которой он собирал материал для книги, не смог «из зафиксированных разговоров даже выстроить фрагменты анализа: все рассыпалось от политизированности сообщений, их полумифического содержания» (с. 25).

В результате автор предлагает свою собственную интерпретацию «этнографического поля», учитывающую современное состояние чеченского общества, которое «в таком социально-культурном окружении и особенно в пространственном (более половины чеченцев находятся за пределами территории Чечни) облике никогда до этого не существовало» (с. 20). Поэтому он включает в «этнографическое поле» и людей, вынужденно покинувших Чечню, имея в виду, что те также являются участниками и свидетелями конфликта.

Читателю не составит труда убедиться в обоснованности этой новации, так как при знакомстве с записями бесед и многочисленных интервью с представителями различных чеченских диаспор России становится очевидно, что информация, исходящая от них, представляет не меньшую ценность, чем полученная от находящихся в зоне прямого действия конфликта.

Автор также вводит важное новшество в методы изучения «этнографического поля», которое он определяет как «делегированное интервью». Это позволяет исследователю предельно минимизировать искажения информации, которые априори заданы самой ситуацией конфликта. Суть этого метода состоит в том, что вместо «антрополога-визитера выбираются партнеры из числа чеченцев, обладающие достаточным образованием и наблюдательностью, чтобы вести разговор на чеченском или на русском языках вокруг вопросов, которые интересуют ученого» (с. 26). В результате устраняется ситуация, когда опрашиваемый видит в интервьюере преимущественно объект «жалобы» или «крика о помощи», что существенно повышает вероятность получения адекватной информации. Эта методическая находка В.А. Тишкова существенно расширяет арсенал средств антропологии при проведении полевых исследований и наверняка будет использована коллегами по цеху.

Наконец, он вводит еще одну методологическую новацию («трехуровневое построение текста»). Она состоит в том, что перед публикацией текст был предоставлен консультантам из числа чеченцев, которые высказали свои замечания и соображения, а также сверили точность передачи их собственной информации. Одним словом, фактическая информация, содержащаяся в книге, может служить надежным и весьма ценным источником не только для антропологов, но и для социологов, политологов, психологов и даже психиатров.

Следует отметить, что автор практически использовал все возможные источники по данной теме. Во-первых, необычайно широк круг опрашиваемых – как по социальному, так и по половозрастному срезу. Среди них есть государственные и партийные работники, профессора – преподаватели вузов, школьные учителя, журналисты, архитекторы, врачи, медицинские сестры, коммерсанты и мелкие торговцы, рабочие и технический персонал, сельские работники, студенты и домохозяйки. Причем это люди различных политических предпочтений: от последовательных дудаевцев и сторонников независимости до пророссийски настроенных противников радикального сепаратизма или просто не имеющих определенных политических ориентаций. Почти вся мужская молодежная группа – это активно воевавшие на чеченской стороне боевики.

Во-вторых, автор использует сведения, полученные в ходе его «полевой работы» на государственной службе в качестве министра. Поэтому читатель может получить уникальную информацию, касающуюся поведенческих реакций многих высших государственных чиновников, включая бывшего президента Б.Н. Ельцина, бывшего председателя Верховного Совета России Р.И. Хасбулатова, генерала Дж. Дудаева и его ближайшего окружения и других лиц на различных стадиях протекания конфликта.

В-третьих, материалы автора включают также анализ общественно-политического дискурса, журналистики, литературных текстов, статистики, интервью и массовых опросов, что делает их еще более репрезентативными.

Во то же время рецензируемая книга, использованные автором методология и фактический материал не могут не породить у читателя разного рода размышления. Поделюсь некоторыми из них.

Как уже отмечалось, во главу угла данной работы поставлен анализ деятельности субъективного фактора в социокультурном процессе. В.А. Тишков считает, что для понимания чеченского конфликта «решающими по значимости являются элементы личностного, эмоционального и морального воздействия, которые не могут быть объяснены в привычных категориях позитивистской казуальности, а поэтому именно данный аспект конфликтологического анализа был нами избран в качестве доминирующей линии» (с. 49). Следуя данной логике, автор, не отрицая культурно-исторических, социальных и прочих причин, видит «решающий по значимости элемент конфликта» в субъективном факторе и, во многом, в характере личных взаимоотношений Б.Н. Ельцина и Дж. Дудаева (с. 48).

Думается, успех научного поиска определяется в том числе и тем, насколько собранный материал субъективного плана может быть объективирован. Это позволяет видеть в деятельности того или иного персонажа (или персонажей) проявления не только его индивидуальных черт, но и неких объективных детерминант. Иными словами, главный вопрос состоит в том, как совместить субъективное и объективное? Кажется, что ответ на этот вопрос заключается в системной разработке понятия такого объективного понятия, как «модернизация», которое необходимо включает в себя и субъективный аспект.

В современной науке преимущественно посредством этого понятия осуществляется осмысление перемен, происходящих в так называемых развивающихся государствах при решающем воздействии внешнего (западноевропейского) фактора. Принято считать, что характерная особенность социально-экономической структуры подобных обществ – сосуществование в пространстве и времени «традиционных» и «современных» элементов, возникающее в результате этого воздействия на традиционное общество. Собственно, такой же позиции придерживается и автор книги, утверждая, что в советский период в чеченском обществе сосуществовали европейские нормы и традиционные институты и ценности: «Предвоенная Чечено-Ингушетия жила по правилам, которые можно назвать симбиозом советских норм и законов с народными правовыми нормами адата при сохранении некоторых исламских традиций и ценностей» (с. 54, 78).

При таком взгляде на проблему причина конфликтов, свойственных модернизирующимся обществам, видится именно в разнородности сосуществующих структур, а порой даже в их несовместимости. Если учесть, что модернизация – это всегда взаимодействие не только двух типов обществ, но и культур, то этот конфликт переносится как раз в сферу культуры. Поэтому чаще всего конфликты, имеющие место в развивающихся государствах, трактуются либо как конфессиональные, либо как этнические.

В.А. Тишков совершенно справедливо категорически отвергает такой взгляд на истоки конфликта в Чечне. Анализируя состояние чеченского общества в советский период, он не усматривает и социального конфликта между традиционными современными (советскими) структурами: «глубокая советизация, включая советский патриотизм и лояльность власти, были характерны для большинства чеченцев и ингушей» (с. 79).

Иными словами, вообще исчезает всякая объективная база, которая могла бы служить объяснением ситуации, сложившейся в данном регионе России. Отсюда и тот акцент, который делается на личностный фактор.

Мне кажется, что понимание положения в современной Чечне возможно при следующих условиях. Прежде всего для объяснения конфликта в данном конкретном случае необходимо знать истоки более глобального конфликта, того, который привел к распаду советской системы в целом. Однако и в этом случае, как правило, называются те же причины. Исследователи также не находят в советском обществе объективных причин, которые несли бы в себе фатальную неизбежность этого распада. Не секрет, что не только для советских обществоведов, но и для западных ученых события, происходившие после «перестройки», стали полнейшей неожиданностью. Поэтому причины распада Союза видели преимущественно в этническом факторе, т.е. в национально-освободительных революциях со стороны угнетенных советским режимом «наций», а сейчас все чаще и чаще сводят к личностным взаимоотношениям М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина.

Необходимо также изменить методологию подхода к самому процессу модернизации. Это означает, что присущие ему конфликты следует рассматривать как продолжение социальной динамики, характерной для самого традиционного общества: под воздействием внешнего фактора они не исчезли, а, наоборот, обострились, приняв в новой социокультурной ситуации иную форму. Отметим, что уход в «арханку» – это не дань тому же «историзму». Просто традиционное общество содержит в себе поистине «общечеловеческие ценности», которые обязаны действовать наряду, конечно, с вновь приобретенными до тех пор пока вообще существует социальность. Можно с большой степенью вероятности предполагать, что в

развивающихся государствах принципы, на которых организовано традиционное общество, представлены гораздо ярче, нежели в постиндустриальных.

Исходя из вышеизложенного, представляется, что истоки подобных конфликтов лежат в социально-возрастной сфере. Мне уже доводилось излагать свою точку зрения на этот счет¹. Если коротко ее сформулировать, то главным источником напряженности для традиционного общества являются неравные взаимотношения между младшими и старшими, при которых последние имеют преимущественный доступ ко всякого рода ресурсам. Стабильность такому обществу обеспечивает только своевременный уход старшего поколения с «руководящих должностей», что позволяет молодежи обрести социальную полноценность. Обретение же полноценного статуса – главная ценность для представителей традиционного общества. В случае нарушения этого основополагающего принципа социуму неизбежно угрожала революция, чему есть многочисленные доказательства.

В условиях же модернизации этот конфликт принял форму противостояния интеллигенции и власти. Иными словами, модернизация всегда приводит к появлению многочисленной интеллигенции, представители которой видят обретение социальной полноценности в достижении определенного статуса в рамках государственно-бюрократической организации. Однако всегда «приников не хватает для всех». В качестве основного тормоза социальной мобильности образованной молодежи выступает старшее поколение бюрократов, которые никогда не спешат оставить свои места. По сути дела, взгляд на истоки конфликта в Чечне был сформулирован и информантом В.А. Тишкова Юсупом Сосламбековым: «Если говорить кратко, то в Чечне выросла новая элита – в основном активная и образованная молодежь – и ей нужно место под солнцем» (с. 27).

Следующим методологическим постулатом, направленным на совмещение субъективного и объективного, может стать более четкое разграничение понятий «общество» и «культура», а также рассмотрение их взаимодействия в процессе модернизации. Думается, В.А. Тишков прекрасно продемонстрировал, как конструируется конфликт именно на культурном уровне социокультурной системы. Он убедительно показывает, например, как формируется его «национальная» тематика за счет использования мифов и стереотипов. Автор также раскрывает многообразные механизмы возникновения последних, например связанных с чеченской идентичностью, «национальным характером», образами «героического чеченского прошлого», харизмой Дудаева и многим другим. Немалую роль в этом деле, как показывает исследователь, сыграли классики художественной литературы начиная от Л.Н. Толстого и заканчивая А.И. Солженицыным, а также СМИ. Именно эти культурные факторы и стали главным средством политической мобилизации населения.

Наконец, разработка понятия «модернизация» предполагает непосредственное изучение акторов этого процесса. Здесь основное место отводится психологической науке и, в особенности, исторической психологии. К сожалению, достижения данной области знания почти не используются антропологами. Однако современное обществоведение, которое в первую очередь интересуется индивидом, обязано восполнить этот пробел.

Главный феномен процесса модернизации, проявляющийся на индивидуальном уровне, – это бикультурный индивид, характеризующийся «пограничным сознанием». Суть этого явления состоит в том, что подобная индивидуальность сочетает в своем сознании мощный пласт традиционной ментальности с современными (западноевропейскими) рационально-логическими формами мышления. Особенность поведения таких людей заключается в том, что в различных ситуациях оно может быть мотивировано либо одними, либо другими культурными ценностями, которые зачастую носят прямо противоположный характер. При этом такая индивидуальность не ощущает внутреннего психологического дискомфорта.

Много наблюдений, касающихся особенностей поведения бикультурных индивидов, сделано нашими известными философами конца XIX – начала XX в. (Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, М.О. Гершензоном и др.) на примере российской интеллигенции.

У нас эти особенности фиксируются, как правило, представителями западных культур. Вот, например, свидетельства француза, относящиеся к XIX в. Этот европеец, «определившись в услужение генералу Каменскому, не мог довольно нахвалиться его обхождением, покуда они были в Петербурге, но что скоро господин увез его в деревню, и тогда все переменилось. Вдали от столицы образованный русский превратился в дикаря, он обходился с людьми своими как с невольниками, беспреестанно ругался, не платил жалованья и бил за малейший проступок иногда тех, кто не мог быть виноват»².

Эту бикультурность мы без особого труда можем фиксировать в своем собственном поведении, если, конечно, сможем на какое-то время полностью «переключиться» на свой европейский уровень ментальности. Самый свежий пример. Я его привожу в связи с рассуждениями В.А. Тишкова относительно модернизации современного чеченского общества, а, точнее, одной из ее черт, отмеченных автором: «презрение к человеческой жизни и к общеразделяемым жизненным нормам» (с. 54).

14 сентября 2002 г. в прямом телеэфире программы «Зеркало» Г. Явлинскому, который высказывался на тему грузино-российских отношений, телезрительница задала вопрос. Вопрос был риторическим и

сводился к мысли, будут ли нас уважать в мире, если мы сами себя не уважаем. Аргументируя эту идею, женщина сослалась на деятельность наших СМИ по освещению годовщины событий 11 сентября в США. Как выяснилось, ее поразило то, что аналогичным событиям в Москве, годовщина которых была несколькими днями раньше, было уделено ведущими телеканалами значительно меньше времени. Г. Явлинский, полностью согласившись с ней, дополнил, что один из ведущих телеканала отвел этому событию всего 40 секунд телеэфира.

Здесь мы видим одну из форм проявления нашей двухуровневой ментальности. С одной стороны, мы – носители западного представления о ценности человеческой жизни (в любой традиционной культуре эта ценность отсутствует вследствие отсутствия понятия смерти в рациональном понимании) и, наверное, искренне убеждены в этом. Точнее, поэтому это представление и актуализируется в нашем сознании лишь в связи с событиями именно в той культуре, для которой она действительно представляет реальную ценность.

С другой стороны, мы спокойно (т.е. в соответствии с логикой традиционной ментальности) воспринимаем почти ежедневную информацию СМИ о жертвах в Чечне, заказных убийствах и других формах насилия, творимого вокруг нас.

Еще ярче эти два уровня, свойственные нашей психике, проявляются на уровне обыденного сознания, в котором традиционный ментальный пласт, по-видимому, занимает гораздо больше места, нежели европейский. Приведу в этой связи характерный пример.

Это разговор между обывателями, причем, наверняка, неплохо образованными, так как для обыденного сознания уровень их осведомленности о событиях в Чечне был достаточно высокий. Беседа велась между тремя подвыпившими мужчинами 40–50 лет, которые, разобравшись с другими «мировыми проблемами», решили внести вклад и в урегулирование чеченского конфликта. Один из них предложил такой вариант: «Мы должны вывести войска из Чечни. Они сами друг друга перестреляют, а затем надо вернуться и расстрелять тех, кто остался в живых». Разговор велся громко, и у пассажиров ничего кроме улыбки такой способ разрешения проблемы не вызвал. То же, несомненно, знаменательный факт!

При этом можно почти со стопроцентной уверенностью утверждать, что в любой официальной обстановке, включая гипотетический вопрос на данную тему при социологическом обследовании, они встали бы на сторону первоочередной ценности человеческой жизни. И это «двоемыслие» – проблема не морали, а психологии. Бикультурность в разнообразных ее проявлениях, если внимательно проанализировать тексты интервью, опубликованные в книге, просматривается практически повсеместно.

Мы также начинаем фиксировать наши поведенческие особенности, внимательно наблюдая за иностранцами (представителями Запада, конечно). Но пока этот предмет находится в основном в сфере интересов искусства Михаила Задорнова.

В заключении следует отметить, что книга В.А. Тишкова «Общество в вооруженном конфликте (этнография чеченской войны)» представляет собой оригинальное исследование актуальнейшей проблемы, которым автор внес существенный вклад в понимание культурологической стороны чеченского конфликта. Книга наполнена живыми людьми, так или иначе вовлеченными в него, с их переживаниями, пониманием истоков войны, оценками действий враждующих сторон и интересами.

Автором, по сути дела, разработана методология изучения общества, втянутого в вооруженный конфликт, и предложены конкретные методики его исследования. Наконец, в ней содержится ценнейший фактический материал, к которому могут обращаться специалисты самого различного гуманитарного профиля.

Примечания

¹ Интеллигенция и насилие. Социально-антропологический аспект // Антропология насилия. М., 2001.

² Россия глазами иностранцев в XVIII в. Л., 1989. С. 419.

В.В. Бочаров